

СТИВЕН
КИНГ

СТИВЕН
КИНГ

ПОСЛЕ ЗАКАТА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Сое)-44
К41

Серия «Король на все времена»

Stephen King
JUST AFTER SUNSET

*Перевод с английского А. Ахметовой, В. Вебера, Е. Доброхотовой,
В. Женеvского, М. Клеветенко, С. Лобанова, Н. Парфеновой,
Т. Перцевой, Е. Романовой, С. Самуйлова*

Серийное оформление А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн Е. Коляды

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Ralph M Vicinanza Ltd. и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 После заката : [сборник: перевод с английского] /
Стивен Кинг. — Москва: Издательство АСТ, 2018. —
413, [3] с. — (Король на все времена).

ISBN 978-5-17-065496-3

«Команда скелетов». «Ночная смена». «Все предельно»... сборники рассказов всегда занимали в творчестве Стивена Кинга особое место.

«После заката» — «чертова дюжина» историй, каждая из которых способна напугать даже читателя с самыми крепкими нервами и восхитить самого искушенного ценителя «ужастиков».

Тринадцать — хорошее число.

Но легко ли вместе с героями Кинга пережить тринадцать встреч со Злом, Тьмой и Ужасом?

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Сое)-44

© Stephen King, 2008

Школа перевода В. Баканова, 2010

© Перевод. В.А. Вебер, 2010

© Перевод. Т.А. Перцева, 2010

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Посвящается Хайди Питлор

Могу представить, что ты там разглядел. Да, все это, конечно, страшно, но в конце-то концов это лишь старая сказка, древняя мистерия... Такие силы нельзя назвать, о них невозможно говорить, их даже нельзя вообразить. Можно лишь пощупать покров, лежащий на них, — символ, понимаемый большинством просто как поэтическая прихоть, а то и глупая сказка. Во всяком случае мы с тобой уже кое-что знаем о том кошмаре, который обитает в тайных закоулках жизни, скрывшись под человеческой плотью. Он, бесформенный, присвоил чужую форму. Как такое могло случиться, Остин? Нет, как такое может быть? И почему тогда солнце не померкнет, почему не расплавится и не закипит под такой ношей земля?

Артур Мейчен. «Великий бог Пан»*

* Перевод А. Егазарова.

Предисловие

Как-то раз в 1972 году я вернулся домой с работы и застал жену за кухонным столом. Перед ней лежали садовые ножницы. Она улыбалась — значит, действительно серьезные неприятности мне не грозили. Но она попросила мой бумажник, а это уже не сулило ничего хорошего.

Так или иначе, я подчинился. Вытащив кредитную карточку топливной компании «Техасо» — в те годы их рассылали почти всем молодым парам, — Тэбби разрезала ее на три части. В ответ на мои возражения — мол, кредитка штука удобная, а нам пока удастся выплачивать в конце месяца минимальный взнос (иногда и превышая его) — она лишь покачала головой и сказала, что процентов набегает больше, чем по силам выдержать нашему хрупкому семейному бюджету.

— Лучше не искушать себя, — добавила она. — Свою я уже разрезала.

Так и вышло. Следующие два года мы оба обходились без кредитных карточек.

Тэбби поступила правильно, более того — грамотно, потому что нам тогда едва перевалило за двадцать и надо было чем-то кормить двоих детей; в финансовом плане мы едва

Introduction

© Перевод. В. Женевский, 2010

сводили концы с концами. Я преподавал в старших классах английский язык, а в каникулы подрабатывал в прачечной, где стирал простыни из мотелей и время от времени развозил чистое белье заказчикам. Тэбби в дневное время сидела с детьми и писала стихи, пока они спали, а когда я возвращался из школы, уходила отрабатывать полную смену в «Dunkin' Donuts». наших совокупных доходов хватало на оплату жилья, питание и подгузники для маленького сына, но вот телефон мы содержать уже не могли, и в итоге его постигла судьба кредитных карточек. Слишком велик был соблазн звонить родным в другие города. У нас оставалось достаточно на книги — без них мы оба не представляли жизни — и мои вредные привычки (пиво и сигареты), но не более того. Так что вряд ли нам пристало выкладывать денежки за привилегию носить в кармане полезный, но в конечном счете коварный кусочек пластика.

Остатки средств обычно уходили на вещи вроде ремонта машины, врачебных услуг и того, что мы с Тэбби называли «детской дребеденью»: игрушки, манеж, эти невыносимые книжки Ричарда Скэрри... Здесь нас часто выручали рассказы, которые мне удавалось сбить в мужские журналы — «Cavalier», «Dude», «Adam» и так далее. В те годы меня не занимало, творю ли я настоящую литературу, а разговоры о том, уготована ли моим произведениям «долгая жизнь», казались не меньшей роскошью, чем кредитки от «Техасо». В этих рассказах — когда их получалось продать, а так выходило не всегда — я видел прежде всего дополнительный источник дохода. Для меня каждый из них был как *пиньята**, только колотил я по ним не палкой, а своей фантазией. Иногда они разбивались, и мне перепало несколько сотен баксов. Бывало и наоборот.

К счастью — а поверьте, тогда я вел необычайно счастливую жизнь, во многом лучше теперешней, — эта работа еще и

* Мексиканская народная забава: участники с завязанными глазами пытаются разбить палкой фигуру животного, чтобы получить приз в виде конфет и т.п. — *Здесь и далее примеч. пер.*

приносила мне радость. Большинство рассказов я создал в припадке вдохновения, получая нешуточное удовольствие от процесса. Они выпрыгивали на бумагу один за другим, как рок-хиты из жерла радиостанции, которая всегда играла в прачечной, превратившейся для меня в рабочий кабинет.

Я работал быстро, без передышки, редко занимаясь правкой после завершения второго наброска, и мне даже в голову не приходило задуматься, откуда берутся сюжеты или чем структура хорошего рассказа отличается от структуры романа, или как учесть динамику развития персонажей, предысторию и временные рамки. Я бил наугад, полагаясь исключительно на свою интуицию и мальчишескую самоуверенность. Поток не иссякал, а остальное меня не волновало. Других поводов для волнения и не было. Естественно, у меня и мысли не возникало, что создание рассказов — хрупкий навык, который без постоянного применения выветривается. Тогда эта хрупкость не заявляла о себе, и каждая история была для меня сродни бульдозеру.

В Америке большинство популярных романистов рассказов не пишут. Вряд ли дело в деньгах: коммерчески успешным авторам о таких вещах задумываться не надо. Скорее причина в том, что у мастеров крупной формы начинается своего рода клаустрофобия, когда у них нет и семидесяти тысяч слов на разгон. Или, быть может, искусство миниатюризации теряется само собой. В жизни много вещей вроде езды на велосипеде, но создание рассказов не из их числа. Забыть, как это делается, легче легкого.

В конце восьмидесятых и в девяностые я писал все меньше и меньше рассказов, а те, что все-таки писал, становились все длиннее и длиннее (парочка таких вошла и в эту книгу). Это еще ничего. Но были рассказы, за которые я не садился, потому что надо было заканчивать очередной роман, а это уже совсем не радовало — прописавшись на задворках моего сознания, заброшенные идеи просто умоляли, чтобы их перенесли на бумагу. Некоторым в конце концов повезло; другие, увы, сгинули без следа, будто пыль на ветру.

Что хуже всего, были и третьи — я совершенно не представлял, с какой стороны к ним подступиться, и это угнетало. Несомненно, мне не составило бы труда написать их в той прачечной или на миниатюрной «Оливетти» жены, однако теперь, когда я немолод, отточил мастерство и разжился куда более дорогими инструментами — вроде «Макинтоша», на котором пишу эти строки, — эти истории никак не давались мне. Помню, заповор одну из них, я представил стареющего оружейника, который с тоской смотрит на изящный толедский клинок и думает: «А ведь я тоже умел такие делать».

И вот три или четыре года назад мне пришло письмо от Катрины Кенисон, координатора серии «Лучшие рассказы Америки» (позже ее сменила на этом посту Хайди Питлор, которой посвящается эта книга). Миссис Кенисон интересовало, как я отношусь к тому, чтобы выступить редактором антологии 2006 года. Мне не понадобилось откладывать решение на следующий день, даже на послеобеденную прогулку. Я сразу же ответил согласием — по многим причинам, в том числе альтруистическим, и все же я буду последним лгуном, если не признаю, что мной руководили и корыстные мотивы. Размышляя я примерно так: если начитаться побольше рассказов, с головой погрузиться в лучшие образцы малой прозы, публикуемые в американских литературных журналах, то, может быть, мне удастся хотя бы частично вернуть ускользающее чувство легкости. И не в том дело, что без журнальных гонораров — скромных, но очень своевременных, когда только-только начинаешь новый роман — я не смог бы купить новый глушитель на автомобиль или подарок для жены. Просто бумажник, набитый кредитками, не казался мне достойной компенсацией за утраченную способность писать рассказы.

За год редакторской работы я прочел несколько сотен рассказов, но здесь распространяться о них не буду; если вам интересно, купите книгу и ознакомьтесь с предисловием (заодно вам перепадет два десятка первоклассных историй, а это не абы что). Важнее, что я снова вошел в азарт и стал писать

рассказы как прежде. Мне хотелось на это надеяться, но по-настоящему поверить в такую возможность я даже не осмеливался. Первой из «новых» историй стала «Уилла»; она и открывает этот сборник.

Можно ли назвать эти рассказы удачными? Надеюсь. Помогут ли они вам скоротать утомительный перелет (если вы читаете) или долгую автомобильную поездку (если слушаете аудиокнигу)? Очень надеюсь, потому что в таких случаях приходит в действие своего рода магия.

Я писал их с наслаждением, это факт. И надеюсь, вам понравится их читать. Надеюсь, они увлекут вас. И пока я буду помнить, как это делается, будут появляться новые истории.

Ах да, вот еще что. Знаю, некоторым читателям интересно, как и для чего появился на свет тот или иной рассказ. Если вы принадлежите к их числу, то мои «заметки на полях» ждут вас в конце книги. Если заберетесь туда раньше, чем прочтете сами рассказы, стыд вам и позор.

Ну а теперь не буду вам мешать. Но прежде чем удалиться, я хотел бы поблагодарить вас за то, что пришли. Занимался бы я тем, чем занимаюсь, если бы не было вас? Да, несомненно. Я чувствую себя счастливым, когда слова складываются в картинки, а выдуманные люди делают вещи, которые доставляют мне удовольствие. Но с тобой все-таки лучше, Постоянный Читатель.

С тобой всегда лучше.

*Сарасота, штат Флорида
25 февраля 2008 года*

Уилла

Ты не видишь дальше собственного носа, сказала она. И слегка перегнула палку. Может, во многом он заслуживал ее насмешек, но кое-что все-таки видел. И вот теперь, когда небо над хребтом Уинд-Ривер подернулось померанцевой рыжиной, Дэвид окинул станцию взглядом и понял — Уиллы здесь нет. Да откуда мне знать, одернул он себя, однако так думала только его голова — у занывшего вдруг желудка имелось другое мнение.

Он пошел искать Лэндера, который относился к Уилле с симпатией. Когда она проворчала, что «Амтрак», из-за которого они торчат в этом захолустье, не лучше кучи дерьма, старик сказал: языкастая девка. Большинству было на нее плевать, чем бы там ни провинился «Амтрак».

— Тут несет черствыми крекерами! — крикнула Хелен Палмер, когда Дэвид поравнялся с ней.

Она снова пробралась к излюбленной скамейке в углу. Сейчас за ней присматривала женщина по фамилии Райнхарт, дав ее мужу небольшую передышку. Она улыбнулась Дэвиду.

— Вы не видели Уиллу? — спросил Дэвид.

Willa

© Перевод. В. Женевский, 2010

Миссис Райнхарт с прежней улыбкой покачала головой.

— А на ужин у нас рыба! — прогремела Хелен Палмер. Во впадинке у нее на виске пульсировал клубок голубых жилок. Люди стали оборачиваться. — Час от 4-часу не легче!

— Тише, Хелен! — шикнула миссис Райнхарт. Ее могли бы звать Салли, хотя такое имя Дэвид точно запомнил бы — Салли в последнее время попадаются нечасто. Теперь над миром властвуют всевозможные Эмбер, Эшли и Тиффани. Уилла — еще один вымирающий вид. При этой мысли у него опять похолодело в желудке.

— Крекерами! — бушевала Хелен. — Старыми вонючими крекерами!

Генри Лэндер сидел на скамейке под часами, обняв жену за талию. Взглянув на Дэвида, он покачал головой.

— Ее здесь нет. Такие дела. Если ушла в город, тебе еще повезло. Могла и слинять потихоньку. — И он многозначительно поднял большой палец.

Вряд ли невеста Дэвида подалась бы на запад без него, в такое он верить отказывался. А вот в то, что ее здесь не было... Он почуял ее отсутствие, даже не успев всех пересчитать. В памяти всплыла строчка из какого-то старого рассказа или стихотворения о зиме: «И пустоты крик, в сердце гулкий крик»*.

Станция представляла собой узкую дощатую горловину. По всей ее длине под флуоресцентными лампами прохаживались люди. Другие с опущенными плечами сидели на скамейках — такую позу можно встретить только в подобных местах, где пассажирам приходится терпеливо ждать, пока возникшие невесть откуда проблемы кто-нибудь устранил и можно будет продолжить путешествие. По собственной воле в городки вроде Кроухарт-Спрингс, штат Вайоминг, наведываются немногие.

— Не вздумай ее искать, Дэвид, — сказала Рут Лэндер. — Уже темнеет, а здесь полно всякой живности. И я не про кой-

* Строчки из стихотворения американского поэта Джона Кроу Рэнсома (1888—1974) «Воспоминания о зиме».

отов. Тот хромой книготорговец сказал, что видел на той стороне полотна, возле пакгауза, парочку волков.

— Биггерс, — уточнил Генри. — Его зовут Биггерс.

— Да мне-то что, хоть Джек Потрошитель, — буркнула Рут. — Я это к чему: ты уже не в Канзасе, Дэвид.

— Но если она...

— Она ушла еще до заката, — перебил его Генри Лэндер.

Будто при свете дня волк (или медведь) не станет нападать на беззащитную женщину. Хотя как знать. Дэвид был банковским служащим, а не специалистом по дикой природе. И он был молод.

— Если придет аварийный состав, а ее здесь не будет, она останется здесь.

У него никак не получалось довести до их сознания эту простую мысль. «Не контакило», как выражались ребята из чикагского офиса.

Генри поднял брови:

— Хочешь сказать, если вы оба опоздаете на поезд, будет чем-то лучше?

Если они оба опоздают, то либо поедут на автобусе, либо дождутся следующего состава. Лэндеры не могли этого не понимать. Или все-таки?.. Их усталость бросалась в глаза. Перед Дэвидом сидела пара измученных людей, временно застрявших в краю ковбойских комбинезонов. Но кого вообще заботит судьба Уиллы? Если она сгинет на просторах Высоких равнин, кто еще о ней вспомнит, кроме Дэвида Сэндерсона? Ее здесь даже недолюбливали. Эта стерва Урсула Дэвис однажды заявила ему, что если бы мать Уиллы вовремя убрала из ее имени последнюю букву, «оно подходило бы ей куда больше».

— Схожу в город, поищу ее, — решил он.

Генри вздохнул.

— Сынок, ты совершаешь большую глупость.

— Мы ведь не сможем пожениться в Сан-Франциско, если она останется в Кроухарт-Спрингс, — возразил он, надеясь обратить все в шутку.

Мимо проходил Дадли. Дэвид не знал, имя это или фамилия — знал только, что Дадли занимал должность в компании «Стейплс» и направлялся в Миссулу на какое-то региональное совещание. Обычно Дадли держался тихо, поэтому ослиное ржание, которым он огласил вечерние тени, не просто удивляло — шокировало.

— Если поезд придет и вы на него не успеете, — сказал он, — можете разыскать мирового судью и оформить брак прямо здесь. А когда вернетесь на восток, будете рассказывать друзьям, что у вас была настоящая ковбойская свадьба. Иииии-аааа, братишка!

— Лучше не надо, — вновь подал голос Генри. — Мы здесь надолго не задержимся.

— И что, мне ее тут бросить? Ересь какая-то.

Он отошел, пока Лэндер и его жена не нашли с ответом. На соседней скамейке Джорджия Эндрисон смотрела, как ее дочь в красном дорожном платье скачет по грязному плиточному полу. Пэмми Эндрисон словно и не знала, что такое усталость. Дэвид попытался вспомнить, видел ли ее хоть раз спящей с тех пор, как их поезд сошел с рельсов возле железнодорожного узла Уинд-Ривер и они застряли здесь как никому не нужная посылка на заброшенной почте. Кажется, один раз видел — у матери на коленях. Впрочем, это могло быть и ложное воспоминание, порожденное уверенностью, будто пятилетним детям полагается много спать.

Пэмми бесенком скакала с плитки на плитку, превратив пол станции в гигантские классики. Из-под красного подола выглядывали пухлые коленки.

— Жил-был один парень, его звали Бадом, — вывела она на тягучей высокой ноте, от которой у Дэвида заныли пломбы. — Он шел и упал, и шлепнулся задом. Жил-был один парень, его звали Дэвид. Он шел и упал, и поранил свой бэвид.

Она захихикала и показала пальчиком на Дэвида.

— Пэмми, а ну-ка прекрати! — цыкнула на нее Джорджия Эндрисон и, одарив Дэвида улыбкой, откинула с лица набежавшую прядь.